

ОБ АННЕ АХМАТОВОЙ давно и верно сказано, что своим стихом она зримо и прочно соединила русский литературный классический век с нашим столетием, столь непохожим ни по облику, ни по событиям, ни по трагичности глобальных перемен и катастроф на всю прежнюю российскую жизнь.

Сейчас ее поэзия сама стала классикой — одной из наиболее заметных вершин мирового искусства.

Со времени появления первых стихов Анны Ахматовой прошло больше восьмидесяти лет, и нам сейчас трудно представить, что их когда-то не было. Это так же противоестественно вообразить, как, например, Россию без Пушкина или без Блока. Ахматовская поэтическая речь с ее неповторимой интонацией, это пленительное сочетание женственности и духовного мужества, хрупкости и силы, языковой щедрости и словесной лаконичности — все вошло и навсегда растворилось в бесчисленных капиллярах, питающих живую жизнью память нации и страны.

Ее поэзия прошла и, пожалуй, кажется, все, что может выпасть поэту в наш век: и громкую славу первых дореволюционных книг, заученных наизусть едва ли не всей тогдашней интеллигентной Россией, а после — глухое безвестие двадцатых годов, когда уже обозначились первые грозные признаки опалы. Затем — страшные тридцатые, когда снова и теперь уже дотла был разорен домашний очаг, а душа изнемогала в многомесячных тюремных очередях, описанных в «Реквиеме». А там вскоре уже готовилась чудовищная ждановская расправа, и опять годы и годы немоты, отчаяния и нищеты. А сколько близких друзей ушло тогда в тюрьмы, на каторгу, в ссылку — Мандельштам, Клюев, Пильняк... Но и судьба оставшихся в живых горестна — Зощенко, Пастернак, Шостаковича.

Звезды смерти стояли
над нами
И безвинная
корчилась Русь...

Так длилась десятилетия.
Иногда ей казалось, что все
кончено:

Теперь меня позабудут,
И книги сгниют в шкафу.
Ахматовской звать не будут
Ни улицу, ни строфу.

Но она была на редкость
сильным человеком:

Забудут? —
вот чем удивили!
Меня забывали сто раз...

И лишь к концу жизни —
как некая запоздалая награда —
народное и общепланетное признание: большой сборник «Бег времени» и — одновременно —
международная премия Этна
Таормина, докторская степень в

Оксфорде, внимание журналов, газет, радио; уже наступали и телевизионщики, но здесь она, «красавица тринадцатого года», оказалась неприступной. И — напрасно: ведь и в старости Анна Ахматова была красива — красотой поэта и мыслителя. Недаром ее называли королевой поэзии: в своем бедном наряде и в непритязательной обстановке она неизменно поражала величием и некоей торжественностью всего облика. По иронии судьбы, обращавшейся с нею с какой-то продуманной жесткостью, Анна Ахматова жила то в Мраморном дворце, то в Фонтанном, но занимала там полупустую комнату в бывших

Сейчас мы можем точнее обо всем судить, потому что имеем перед глазами весь путь Анны Ахматовой, знаем, к чему она пришла, и потому понимаем, что ей, художнику реалистического таланта и человеку обостренной совести, суждено было сформироваться в поэта крупного, национального масштаба. Тогда об этом никто — не догадывался, вряд ли прозревала путь своей музы и сама Анна Ахматова.

Правда, современники в полной мере оценили ее новизну и силу как певицы любви, назвав автора «Вечерз», «Четок» и «Белой стай» именем Сафо XX столетия. Она действительно вписала новую страницу в книгу

и внимательную оглядку на жизнь народа. Ее стихи времен первой мировой войны, в отличие от официозных прославителей этой кровавой бойни, были преисполнены боли и сострадания. Разумеется, она была тогда еще очень далека от глубокого понимания свершавшихся событий, но едва ли не все ее стихи предреволюционных лет сотрясал некий озноб, вибрации боли и предчувствие надвигающихся перемен и катастроф. Хотя чаще всего трагизм Анны Ахматовой связывали с драматическими и мучительными сюжетами любовной лирики, но наиболее внимательные современники искали других причин. Одним из

своего народа, сделав свою поэзию голосом его бед, страданий и торжеств.

Пережив тридцатые годы, она в первые же дни Великой Отечественной войны создала произведение, ставшее с тех пор классическим, — «Клятву» и «Мужество». Это агитационная лирика, остропублицистическая по смыслу и по форме. Она казалась неожиданной тем, кто не понимал гражданской природы ее поэзии. Тогда же, в годы войны, писала она и главный, наиболее обширный труд своей жизни — «Поэму без героя». В ней она оглядывается на свою молодость, на предреволюционные годы и заново судит и себя, и эпоху. В последней части поэмы Анна Ахматова пишет о войне и создает поистине чеканные поэтические формулы, предвещающие неизбежную победу советского народа:

Ураганом — с Урала,
с Алтая,
Долгу верная, молодая,
Шла Россия спасать
Москву.

Первый же послевоенный год оказался самым трудным для Анны Ахматовой. Вместе со своим другом Михаилом Зощенко она, как уже говорилось, была предана анафеме. Надо ли удивляться неизбывной горечи многих ее стихов того тяжелого времени.

Не с лирою влюбленного
Иду прельщать народ —
Трещотка прокаженного
В моей руке поет...

Анна Ахматова была художником поистине могучей воли, она не дала своей лире ни замолкнуть, ни замкнуться в крошечной мгле страдания. В своей поздней лирике она вновь и вновь возвращается к образу Родины и народа. Подлинной жемчужиной останется на века в отечественной поэзии ее стихотворение «Родная земля». Она написала в нем о земле как бы в буквальном смысле этого слова, но придавала ему широкий философский смысл. Земля, говорит Анна Ахматова, — почва, из которой мы вышли, мы созданы из ее частиц, из ее пыли, грязи, праха, и нам суждено уйти в нее, снова стать землею. Родина вся состоит из нас, из многих поколений предков, ушедших в землю; и что может быть естественнее, чтобы после жизни воссоединиться с ними, чтобы земля, Родина, народ существовали вечно? Родина — судьба, ее не унесешь с собою в ладанках или на подошвах страннических сандалей.

Поэзия Анны Ахматовой — наше национальное достояние, это та почва, на которой держится наша отечественная культура.

Алексей ПАВЛОВСКИЙ.
ЛЕНИНГРАД.

БЕССМЕРТИЕ ПОЭЗИИ

помещениях для прислуги, превращенных в коммунальные квартиры. Когда недавно стали устраивать ее музей в Фонтанном дворце, то главная трудность заключалась для устроителей в этом парадоксальном сочетании дворца и коммуналки.

И так — парадоксально и трагично — было у нее во всем, и прежде всего, конечно, в творчестве, в поэзии. Вполне возможно, что не однажды вспоминала она вещица слова Николая Гумилева: «И терн сопутствует венцу». На ее челе они переплетались друг с другом, короновали ее одновременно на муку и торжество.

Огромна и полнозвучна ее художественный мир.

Она писала всегда — в том числе и в те черные годы, когда, по ее выражению, вынуждена была отказать от «изобретения Гутенберга» и заучивала собственные стихи наизусть, боясь, что они могут стать уликой. Конечно, как она говорила, «под звон тюремных ключей» писать трудно. Но разве не удивительно, что наиболее высокие взлеты ее творчества приходятся именно на черные годы — такими для нее стали тридцатые, а затем и сороковые.

ТВОРЧЕСТВО Анны Ахматовой и сейчас все еще плохо знают. С давних времен за ней установилась репутация камерной поэтессы, рассказывающей о том, как она «на левую руку надела перчатку с правой руки». Но масштаб ее поэтической личности был много больше, чем тогда казалось.

любви, прочитанную человечеством уже не однажды. Новизна заключалась в том, что в ее стихах впервые с такой поэтической силой раскрылась душа властной и самостоятельной женской личности. О любви в ее стихах рассказывал не он, как это почти всегда бывало, а — она, женщина, и это было непривычно. Конечно, и до Анны Ахматовой, и одновременно с нею изредка появлялись одаренные поэтические натуры, например, Каролина Павлова или Евдокия Ростопчина, но уникальность ахматовского таланта заключалась в том, что о своей любви она говорила как равная с равным — без традиционной женской подчиненности патриархальной мужской воле. Вскоре одна лишь Марина Цветаева по праву встала с нею рядом.

Анна Ахматова рвала цепи, опутывавшие — по традиции веков — женское сердце, любовь, человеческое чувство, и эти железные оковы чудодейственной силой поэзии превращала в чистое золото лирики, а кандалы — в нежнейший звук лиры. Если взглянуть на ахматовскую лирику, мы неизменно удивимся ее необычайной волевой силе, ее внутренней энергии, ее поистине непреодолимой власти.

Недаром говорила она:
Таких в монастыри ссылали
И на кострах высоких жгли.

Анна Ахматова унаследовала от классической русской литературы не только совершенство формы и высокий одухотворенный реализм, но и ее духовные искания, обостренную совесть и постоянную тревожную

первых, кто понял природу таланта Анны Ахматовой, был Александр Блок. Он резко и безоговорочно выделил ее из всей тогдашней модернистской литературы, из недр которой она вышла, но пошла совершенно самостоятельным путем. Много лет спустя, вспоминая о предреволюционном времени, Анна Ахматова скажет, что она постоянно слышала в воздухе эпохи некий «непонятный гул». Он сотрясал и озвучивал ее строчки. Александр Блок назвал этот «гул» музыкой революции и по ней настраивал всю свою поэзию, дав ей в полную силу зазвучать в «Двенадцати».

Характерно, что Анна Ахматова резко осудила тех людей из своего окружения, кто, приняв революции, проклял и народное движение к новой жизни, и страну. Она написала пламенную инвективу, разом отделившую ее от тех, кто «бросил землю». Это стихотворение, начинающееся со слов: «Мне голос был. Он звал утешно...», стало хрестоматийным и по-своему спасло честь и достоинство русской интеллигенции. А через несколько лет, в 1922 году, снова:

Не с теми я, кто бросил
землю
На растерзание врагам.
Их грубой лести я не
внемлю,
Им песен я своих не дам...

Эти произведения окончательно отделили ее как от внешней, так и от внутренней эмиграции.

Можно сказать, что она постоянно шла к познанию судеб